

ЛИЛИЯ БОРЕЙ
А ЗАЧЕМ НАМ ВОООБЩЕ
ЧЬЯ-ТО ЛЮБОВЬ?

16+

Лилия Борей

**А зачем нам вообще
чья-то любовь?**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Борей Л. В.

А зачем нам вообще чья-то любовь? / Л. В. Борей — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-5320-9689-9

Эта книжка - признание любви к Музе, которая когда-то приходила ко мне и приносила с собой все эти штучки: эти сказки, эти стихи, эти образы, одетые в слова. Зачем они были нужны мне? А зачем нам вообще чья-то любовь? И если не мне, то, может быть, кому-нибудь всё это очень даже пригодится? Но вот сегодня я попробовала найти те листочки, на которых Она оставляла мне дары своей любви, и многие уже потеряны навсегда. Навсегда! Такое ужасное слово, когда ты вот вдруг вспомнил, что в твоих руках было чудо, но ты не сумел его сохранить. "Прости меня, Моя Любовь!"

ISBN 978-5-5320-9689-9

© Борей Л. В., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Сказки тётушки Эльфриды	5
Земля и Дубовое Зёрнышко	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Сказки тётушки Эльфриды

Земля и Дубовое Зёрнышко

25.02-30.03.2000

*"Всякое слово дано
для назидания, наставления и утешения"*
Восточная мудрость

Вы думаете про что эта сказка?

Про любовь. Да. Про то, что сущность мужской любви описывается словами: "Люблю так, что убью". А сущность женской любви в том, что "Люблю так, что умру". Хотя сущность жизни и тех и других – возлюбить Бога своего всем сердцем своим и возлюбить ближнего своего как самого себя.

Поэт сказал: "Сказка – ложь, да в ней намёк, добрым молодцам урок". И хотя девки радуются, а бабы плачут, – бабы, давайте верить в то, что добрые молодцы смогут понимать намёки сказок. И нам не придётся, время от времени, охаживать их половничком. Чтобы знали: чьи титьки их выкормили, и чьи руки вытаскали. Чтоб спокойно жили сами и других не дёргали.

Итак. Висит жёлудь. В шапочке. Весь на понтах. На мир смотрит, бровки преломив, ручки подбоченив. – Хорош. При таком отце ещё и не быть хорошим. – В общем, пацан хоть куда. Как ни взглянь.

У отца под боком пристроились тут яблоня, да рябина. Девченки у них такие, ничего себе. У яблони, конечно, такие тёлки... Нет, конечно, румяные и всё такое. Но ведь такие дуры... Это ж такое тело прокорми. – Только что глазами смотреть. Какая из неё хозяйка?

У рябины?... Ну... красные. Мелочь всё. Да и столько родственников. Это ж будет не дом, а проходной двор. Никакой личной жизни.

В общем, висит. Наливается. Ума-разума набирается. На девок пялится. Тут батька ему вопрос в лоб:

– Ну что, созрел?

Желудёчек встrepенулcя от cвоих мыслей. Поприжалcя. Прокашлялcя. – Отец спросил.

– Да.

– Ну так вали. Сколько ещё сосать меня будете?

– Вали? Я? Папа... Я? – С отцом спорить будешь? Что делать? – Пора не пора – иду со двора. – Перекрестился наш герой на дорожку. Посмотрел вниз: Господи! Хоть бы не убиться. Глаза зажмурил. А тут его сойка подхватила. – Клац. – И он у неё в клюве.

– Пришёл мой конец, – думает жёлудь. – Это ж такой клювяра. Железо.

Вёзет же некоторым: у них отцы, как отцы. Вон рябина. Сколько ртов? А разве скажет дочкам своим: "Вали"? И Всю зиму висят, пока не сгниют. А этот... Дуб он и есть дуб.

Летит сойка, радуется жизни. Сыта. "Этого закопаю, – думает, – запас карман не трёт". Тут какой-то воробей в поворот не вписался, и прямо ей в пузо:

– Ой, барышня, простите.

– Тьфу, паразит. Барышня! Учиться надо в школе, как правильно летать. Небось, всю школу только на девок и пялился. А теперь одни аварии на дороге. Паразит. Добычу из-за какого-то бича уронила. – Отругала.

Жёлудь-то, как вылетел из клюва сойки, даже обрадовался маленько. Да только радость-то долгой не бывает. Хряпнулся башкой о камень, чуть все мозги не вывалились. Хорошо, Бог дал крепкую голову. А то бы погиб. Точно, погиб бы.

Очухался немножко. От того, что холодно стало. Холодно, мерзко. Видит – ногами дна не достаёт. Понял, что тонет: вода вокруг. Как заорёт: "Спасите, помогите! Спасите, помогите!" Тут у лужи ворона на камешке рядом стояла: "Чего орёшь, придурок?"

– Тону, тётенька.

– И что?

– Помогите...

Она своей соседке:

– Видала? Народ у нас пошёл. Помогите. За что тебе, сынок, помогать? С тебя ж ничего не возьмешь. Ты, вообще, кто такой-то?

– Я жёлудь.

– А что такое жёлудь? Ты знаешь, что такое жёлудь?

– Не знаю. И знать мне недосуг. На мясо не похож. Орёт громко, а съедобный или нет... Да и мал. Что ты, подруга, с ним связалась? Тут воробью-то на зуб положить нечего. Да и то в лужу лезть надо, на таком ветру ноги мочить – простуду ловить.

Соседка, однако, была женщиной любознательной. Ну и, опять же, сочувствие проявить к ближнему... – Она же дама добропорядочная: Христа знает.

– А отец-то твой кто?

– Мой отец дуб.

– О! Великий человек. Знаю, знаю. Сколько мне помогал! Помню, помню. Значит, ты – жёлудь. Значит, сын дуба – это жёлудь...

– Жёлудь? – Услышала свинья. – Где?

– Да вот, в луже. Ванну принимают.

– Жёлудь? – Уточнила свинья. – Где?

– Да вот же, Матушка.

– Один? – Стала свинья по луже топтать с надеждой рассмотреть добычу, да втоптала жёлудь в землю.

Очухался наш бедолага. Тепло. Мягко.

На голову тихонько покапывает. Струйки живой влаги, нежно касаясь тела, поднимают настроение. Хочется жить! Потянулся. Плечики распрямил.

– Как хорошо! Господи, как хорошо!

Мечты и сладкие сны закружились в голове поэта. Тело наполнилось соком жизни. Сердце запело:

– Эх, мне бы, буйну молодцу,

гитару семиструнную...

Там, где темно, ночь и день меняют друг друга лишь временем, когда ты понимаешь, что ты не спишь. Но видевшему свет хочется света. И вскоре наш герой затосковал:

– Где ж ты, где ж ты,

Солнце красное...

И – тебе никаких проблем. Как сказано в книгах мудрецов Востока: "Проси у Бога, но проси нисколько не сомневаясь, ибо сомневающийся уподобится морской волне, поднимаемой и развеваемой ветром".

Вот, наш герой не сомневался. И получил то, чего просил.

Хотя, на самом деле, его желания никого не волновали. Видеть, конечно, солнца он не видел, но ощутил его присутствие скоро. – Жарко стало. И главное – сухо. А это живому человеку не всегда в радость. Оказывается.

И вот сидит наш герой в этой богом забытой дыре. В этой тюрьме. В отчаянии пинает стены своей темницы. Куда ни взглянь – не видно ни зги. – "Господи, да за что ж наказание такое? За какие такие грехи ты, Господи, раба своего так мучаешь?" – Пинал. Рыдал. Волосы на голове рвал. Ногти кусал. Кричал. Звал. – Да кричи не кричи, а только здесь нет никого.

Там-то, в луже, хоть ворона, живая душа была. Было с кем перед смертью словом обмолвиться. А здесь?

Усох наш горемыка. Охрип. Уснёт, проснётся... Уже сон – не высокий полёт мечты, а глубокий обморок ужаса.

Открыл глаза, как в последний раз, и простонал перед смертью последнее желание:

– Пить... Господи, дай воды.

Голос вдруг такой:

– Воды? – На.

Да как рухнула вода... как снегом на голову. Так говорят. Не скажешь же: "рухнула ведром". А сказать: "Полилась, как из ведра", – тоже нельзя. Потому что она рухнула на голову несчастного.

Очухался наш герой. По уши в воде. – Вернее, с носом в воде. Понял, что это не в луже, а в ящике. Там хоть до дна не достать, да воздуху хватает. А здесь – и на полу стоишь, а дышать нечем. Только тихонько подумал, что нужно спастись. И быстро-быстро стал пить воду. Быстро. Быстро.

Воды стало поменьше. Силы стали покидать, но дышать стало хоть чем-то.

– Ну, я молодец. – Передохнул жёлудь. – Буду жить.

– Э, пацан, типа... Ты чего тут в натуре нарисовался? – Червяк от обилия воды стал из земли выползать да наравался на жёлудь.

– Меня, вообще-то, свинья сюда впихнула.

– Тебя впихнула, а я сам здесь копаю, так что рули помалу. Отсюда. Пока цел.

– Я не могу.

– Что такое? У нас нет слова "не могу". Не хочешь – научим, не можешь – заставим. – Хрясь за бочину жёлудь. – Ты чё, камень что ли говорящий?

– Я не камень, я – жёлудь, – простонал, скривясь от боли, наш страдалец.

– Какой только твари в этой земле не встретишь... Ну, живи, живи. Пока... Жёлудь.

– Ты жёлудь? Сын дуба? – вдруг услышал Голос убитый горем, одиночеством и человеческим бессердечием наш герой.

Услышал и выдавил из себя признание своего родства с таким отчаянием, что даже слёзы у самого полились ручьем от безысходной жалости к себе.

– Ну, чего плачешь? – Голос был таким мягким и добрым, внимательным, заботливым, родным и до боли знакомым.

– Да, вот...

– Значит, скоро дубом будешь?

– Откуда я знаю, кем я буду?

– Если жёлудь, значит будешь дубом.

– А ты-то откуда знаешь?

– Я?! Да, я ... много чего знаю. И не твоего ума дело откуда. Знаю – и всё.

– А кто ты?

– Я?! – Догадайся с трёх раз.

– Что я, ребёнок какой, загадки разгадывать? Не хочешь говорить, так и не говори. Мне-то что с того?

– О, о, о... Какой обиженный.

- Никакой и не обиженный.
- Ладно, Федуд, чего губы надул?
- Я не Федул... – Заулыбался желудёчек.
- Ну, теперь вижу.
- А чего ты видишь?
- Что ты хороший парень.
- Да, уж не совсем плохой.
- Ну, скажем, и совсем неплохой.
- Нормальный.
- Хоть куда.
- Да, уж никому не уступлю.
- Я думаю.
- Ты меня видишь, а я тебя нет. Хоть бы показался, что ли.
- Зачем тебе?
- Просто интересно.
- Просто интересно не бывает.
- Это ещё почему?
- Потому что потому – всё кончается на "у".
- Интересная ты штучка: как звать тебя не говоришь, показаться не хочешь. Какая-то

сплошная загадка.

- Да, такая вот я. Кокетка.
- Так ты девушка?
- Даже свободная.
- Красивая?
- Да, уж не крокодил.
- Ну, не обижайся, я просто так спросил. Я не хотел обидеть.
- Меня обидеть?! – Обидчик сыскался.
- Ну, не заводись.
- Очень надо.
- Эй, а как звать-то тебя?
- У червя спроси.
- Ну, ведь его нет. Эй! Эй! Не исчезай. Поговори со мной.

Вот так женщины разбивают мужские сердца. Все они такие: сперва ласковые, внимательные, заботливые, а потом вдруг – раз, – ветер поменялся, – и их уже не узнать. Ни слова, ни полслова от них не услышишь. – Обиделись. И всё забыли. И никого, и ничего знать не хотят. Ох уж это женское непостоянство! Ох уж эта женская ветреность и несерьёзность!

Ещё скажите, что мужчины так не думают... – Всегда.

А женщины, на самом деле, всегда постоянны. Просто они всему знают своё время. Ещё скажите, что это не так...

Истомился наш желудёчек. Истосковался. – Вот она – любовь. Сердце из груди вырывается. Всё тело – сплошное ожидание: вот-вот придёт желанная. И... Как сказано: "Проси – и получишь"...

- Что? Не ждал меня?
- Ты?! Здравствуй, родная моя.
- Вай. Я бледнею
- Я думал – ты не придёшь.
- !!! – Чудак-человек. Да я и не уходила никуда.

- А где же ты была?
- Да, тута. Я ж земля твоя. Или ты не понял?
- Земля?! Моя?
- Ну, как твоя? Замуж возьмёшь – буду твоей, а нет – так на нет суда нет.
- Замуж?
- Ой, жёлудь, ну ты артист. Замуж, конечно. Чё, в первый раз об этом слышишь? Первый день на этом свете живешь?
- Да, я как-то об этом не думал.
- Ну, думай...
- Стой, не уходи. Не уходи. Не торопись. Давай всё обмозгуем. Всякое дело надо делать холодной головой, горячим сердцем и чистыми руками.
- Бог мой! Дзержинский! И с кем это я связалась?!
- Да, при чём тут Дзержинский? Тут дело серьёзное. Это ж тебе не с бухты Барахты. Это ж не чувство. Это ж семья. – Ячейка государства. Надо серьёзно к делу подходить.
- Ну, ты пока подходи...
- Стой. Стой.
- Да, я-то стою. Ты ж у нас всё куда-то идти собираешься. Одна беда, что идти, на самом деле, некуда. Один у тебя, парень, выбор: или женишься – или в ящик играешь. Третьего не дано.
- Ну, что ты, в самом деле, такая обидчивая? Я разве сказал, что я против? Я просто хотел... как бы... обсудить дела.
- Ты ж серьёзный человек. Может, я не совсем подходящая для тебя партия?
- Да, совсем неподходящая.
- Стой.
- Да что ты всё стойкаешь?
- Не уходи. Давай поговорим.
- А чего мне с тобою разговоры разговаривать?
- Ну... ведь я тебе интересен?
- Ты? Да кто ты такой?!
- Ну... я всё-таки сын дуба.
- !!! И?!
- Ну... Я скоро сам стану дубом.
- На днях.
- Да. Большим. Красивым. Сильным. Мудрым. Тебе какие нравятся мужчины? – Я таким и буду. Каким захочешь – таким и буду.
- Я думаю.
- Ну.
- Не нукай. Не запряг.
- Ну, что ты в самом деле. То тебе срочно подавай, то не надо. Так же нельзя.
- Учить меня что ли будешь?
- Не буду. Не буду. Ладно я согласен взять тебя в жёны. А ты-то сама не передумала?
- Не знаю.

Вот так обычно люди наедаются разговором, отщёлкают друг друга по щекам. Разобидятся. Надуются. Разбегутся.

А спрашивается: ради чего начинался весь этот сыр бор? От чего он, собственно, начинался? Из-за чего? – И всё почему?

Потому что человек не составляет себе труда перед тем, как что-то делать, сориентироваться хотя бы в лексике собственных планов. То есть человек обычно первоначально выбирает Дело.

Хотя мудрые учат его, что в начале было Слово. Но это остаётся победой мудрых, а остальные любят проблемы.

Наши герои были люди обыкновенные. Опять же: милые ссорятся – только тешатся. Поругались – помирились: дело молодое. Тут же весна. – Шутки? – Охота пуще неволи. В ней кровь играет. В нём кровь играет.

Она там чуть поломалась, ну, и согласилась на его уговоры. Да и какие уговоры, когда самой хочется?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.